

⁵⁶ Kelly P.P. Recasting a tradition... P. 106.

⁵⁷ York N.L. Neither Kingdom nor Nation. P. 29.

⁵⁸ Quoted from: Duddy T. A history of Irish thought. N.Y., 2002. P. 70.

⁵⁹ Kelly P. Recasting a tradition... P. 83.

⁶⁰ York N.L. Neither Kingdom nor Nation... P. 24.

⁶¹ Ibid. P. 34.

⁶² Pocock J.C.A. The ancient constitution and the feudal Law. Cambridge, 1957. P. XIII.

⁶³ Simms J.C. The establishment of protestant ascendancy... P. 1.

А.А. ЯРЫГИН

«ЧЕРНОЕ РАБСТВО» В ЮЖНЫХ КОЛОНИЯХ АНГЛИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Английское колониальное общество в Северной Америке XVII–XVIII веков представляло собой довольно сложную структуру. Значительную часть его составляло зависимое население, попавшее в Новый Свет различными путями. Первоначально, большей частью это были законтрактованные слуги или сервенты. Вчерашние европейские крестьяне или городские низы, они должны были отработать стоимость своей перевозки в Америку в течение значительного времени (как правило, от двух до семи лет) на плантациях или хозяйствах свободных собственников, покупавших контракты на использование их труда на портовых рынках у капитанов прибывающих в Новый Свет кораблей. Использование их труда было довольно эффективно и прибыльно, хотя и было ограничено временными рамками.

Наряду с использованием труда сервентов в первой половине XVII в. идет и нарастающий ввоз чернокожих рабов из Африки. Работоторговля, ставшая мощным источником первоначального накопления капитала как в Англии, так и в Америке, значительно укрепила крупное и среднее землевладение в южных колониях. В ряде случаев, как, например, в Южной Каролине, труд негритянских невольников почти вытеснил труд сервентов в производстве риса. Но, как правило, в большинстве южных колоний сочетался труд сервентов и рабов. А в Джорджии, основанной в 1732 г., собственники, стремясь возродить мелкое землевладение, вообще запретили рабство негров, и его не существовало здесь, по крайней мере, официально вплоть до 1752 г. Но обычно в хозяйствах южных плантаций сочеталась эксплуатация сервентов и негров. Причем по мере увеличения ввоза рабов из-за океана они начинают вытеснять сервентов на плантациях. Однако расцвет американского плантационного рабства впереди, и связан он в основном с производством хлопка и сахарного тростника в послереволюционную эпоху.

Как известно, первые негры попали в Вирджинию в 1619 г., когда голландцы обменяли партию рабов в Джеймстауне на продукты питания и воду. Но юридически пожизненное рабство негров как одной из основных производительных сил табачных, рисовых плантаций начало оформляться лишь на рубеже веков. На начальном этапе создания колоний их было очень немного, и по своему положению они были более сервентами, получая иногда даже земельные наделы. Существуют данные, согласно которым свободные негры могли иметь даже белых сервентов, что, впрочем, было редкостью¹. С.Н. Бурин, детально расследовавший вопрос о черном рабстве в колониальной Америке, отмечает, что на первом этапе заселения «положение негров южных колоний мало чем отличалось от положения белых переселенцев и, безусловно, было лучше положения индейцев, которым в те годы была уготована участь, позднее постигшая негров»².

Складывание в южных колониях крупного поместного землевладения, ориентированного на производство сырья и продуктов питания, нехватка рабочей силы в ко-

лониях в корне изменяют положение негров. С конца XVII – начала XVIII вв. идет процесс превращения их в потомственных рабов. В его основе лежит не природный расизм белого человека, а экономическая выгода. За одну и ту же цену на невольничьем рынке можно было купить сервента на определенный срок или негра на всю жизнь. Особенно усилился ввоз рабов в колонии после того как в 1713 г. англичане вырвали у испанцев право асьенто. Если накануне, в 1710 году, в южных колониях было всего 36 тыс. негров, из них львиная доля приходилась на Вирджинию и Мэриленд (23 тыс. и 8 тыс.), то в 1760 г. их уже насчитывалось 400 тыс., а к 1790 г. – 757 тыс. 208 человек. Из них почти 700 тыс. были рабами. Ежегодно с 1700 г. по 1770 г. в колонии вводилось не менее 5 тыс. рабов³.

Большей частью рабы использовались на крупных плантациях табака, риса, индиго, где их труд был более производителен. На небольших земельных наделах Новой Англии он не получил распространения в силу малопродуктивности и холодного для рабов климата. Однако это не помешало именно купцам Массачусетса организовать широкую работорговлю.

Практически каждая колония имела собственное законодательство о рабах⁴. Неграм запрещалось собираться толпами и даже группами в 5–7 человек, покидать самовольно плантации, отлынивать от работы и портить имущество хозяина. За участие в бунтах полагалась смертная казнь, за порчу имущества или побег-бичевание и членовредительство. Но убивать рабов запрещалось, «если только они не замыслили какого-либо вреда хозяину». В случае, если хозяин забивал раба насмерть, владелец подлежал штрафу, который, как правило, снижался «по объективным обстоятельствам», а то и не взыскивался вовсе. Вместе с тем в первой половине XVIII в. негры еще сохраняли некоторые права: они служили в местной милиции, могли выступать свидетелями в суде, негры пограничья могли владеть оружием, а в Вирджинии, вплоть до 1723 г., негры обладали правом голоса, но по мере роста числа рабов, усиления значения их труда на плантациях и также роста негритянских восстаний ужесточилось и законодательство о рабах. Вершиной подобного юридического оформления рабства стал Негритянский закон Южной Каролины от 10 мая 1740 года⁵. Раб окончательно превратился в говорящее орудие и собственность своего хозяина, лишился тех немногих свобод, которыми еще обладал прежде. Рабство как система было заложено и юридически, и фактически именно в первой половине XVIII в., но оно еще не превратилось в самодовлеющую силу, какой стало в первой половине XIX в. В этот период оно сосуществовало с феодальной эксплуатацией серпентов и порой сдерживалось им. Так, например, в Южной Каролине был принят ряд законов, направленных на сдерживание ввоза рабов путем введения высоких налогов на работорговлю и поощрялся ввоз сервентов. Конечно, определенную роль играл и страх плантаторов перед восстаниями рабов, ведь к этому времени общее количество негров здесь превышало число белых поселенцев. Но не следует забывать о том, что негры не платили ренту, дающую львиную часть доходов лендлордам. В маноре Гренвиля в Северной Каролине большинство земель обрабатывалось арендаторами и сервентами, в Джорджии рабство долго было запрещено собственниками, которые стремились ввозить сюда сервентов. Несмотря на то, что доля рабского труда увеличивалась, хотя и не всегда он считался выгодным, лишь только после революции с уничтожением кабального рабства белых сервентов, плантационное рабство превратилось в основу сельскохозяйственного производства Юга.

Черные рабы, трудясь вместе с сервентами и арендаторами, в некоторой степени укрепляли крупное товарное помещичье хозяйство – американский фольварк. Часто трудно было классифицировать их как классических рабов. Они трудились на фео-

дальних мануфактурах по производству бочек в Вирджинии или заготавливали корабельные припасы в Северной Каролине. Несмотря на драконовские законы, они порой владели и небольшой земельной собственностью. Так, лейтенант английской армии генерала Бургойна Томас Анберн в своих воспоминаниях Джорджи пишет, что негры получали от хозяина по акру земли в вечное пользование, где в свободное от работы время, субботам, выращивали для себя зерно и домашнюю птицу⁶. К сожалению, автор не указывает, платили ли подневольные негры что-либо хозяевам за эту землю, но они с лихвой платили ему на хозяйских плантациях. Конечно, мы далеки от того, чтобы отождествлять это с отработочной рентой, а негров представлять в виде своеобразного зависимого крестьянства. Но своим трудом негры укрепляли крупное помещичье землевладение, экономическую и политическую власть лендлордов.

Таким образом, «черное рабство» в английских колониях в XVII–XVIII веках прошло сложный путь эволюционного развития. Но даже в предреволюционную эпоху оно не получило своего организационного завершения. Окончательно оно сформировалось как система, обеспечивающая сырьевую базу развивающейся английской и американской промышленности, уже после победного шествия «короля-хлопка» по плантациям Юга конца XVIII – начала XIX веков.

Примечания

¹ Foundations of Colonial America. A Documentary History. Vol. 1–3 / ed. by W. Kavenagh. N.Y., 1973. Vol. 3. P. 2077.

² Бурин С.Н. Конфликт или согласие?: социальные проблемы колониального Юга (1642–1763 гг.). М., 1980. С. 231.

³ Scherer L. Slavery and Churches in Early America. 1619–1819. Grand Rapids, 1975. P. 47; Черные американцы в истории США. 1526–1917 / отв. ред. Р.Ф. Иванов: в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 23–50.

⁴ Foundations... Vol. 3. P. 1185–1192. Vol. 3. P. 2080–2085, 2102–2121.

⁵ Idid. Vol. 3. P. 2102–2121.

⁶ The American Reader / ed. by P. Angle. N. Y., 1958. P. 58.

С. ГАНУС

Язык и «ДУХ НАРОДА» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ГЕНЕЗИСА РОМАНТИЗМА)

Духовная жизнь этноса определяется как отображение всего национального уклада жизни в его исторических и реально значимых сущностях. Это системообразующая форма проявления и выражения национальной саморефлексии. В духовной жизни нации фокусируется вся философия жизни этноса. В широком понимании духовная жизнь нации является ничем иным, как творческой деятельностью ее сознания и самосознания, составляющей ее основу. Исследовать духовную жизнь нации в рамках отдельно взятого феномена: фольклора, литературы, языка, искусства, этнической психологии, исторического сознания и т.д., чтобы познать мир национального во всем его многообразии, является недостаточным. Автор акцентирует внимание на ином: современная наука в русле междисциплинарного синтеза полагается на системный комплексный анализ, более чем целостный при изучении такой сложной структуры, как духовная культура этноса. К. Леви-Стросс в своей классической работе «Структурная антропология» отмечал: «И язык, и культура создаются путем оппозиций и корреляций, то есть через логические отношения». Индивид овладевает культурой своей группы с помощью языка. Но и язык, со своей стороны, оказывается условием культуры в зависимости от того, насколько последняя владеет построени-